Экспериментальная психология
2025. *18*(1), 119—137.
https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180108
ISSN: 2072-7593
ISSN: 2311-7036 (online)

Experimental Psychology (Russia)
2025. *18*(1), 119—137.
https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180108
SSN: 2072-7593
ISSN: 2311-7036 (online)

Научная статья | Original paper

Верификация тезиса о нарастании депрессивных и тревожных тенденций в 2010—2020-х годах (на примере когортного и лонгитюдного исследований)

Т.А. Болдырева[1] ✉, **О.А. Щербинина**[1]
[1] Оренбургский государственный университет, Оренбург, Российская Федерация
✉ ttatianna@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Сравнительный анализ выраженности тревоги, стресса и депрессии по четырем когортным группам студентов 2013, 2018, 2020 и 2022 годов набора был осуществлен с целью эмпирической проверки тезиса о неуклонном росте перечисленных неблагоприятных состояний. **Методы и материалы.** Общий объем выборки составил 557 студентов гуманитарных и технических специальностей. Выборка формировалась с учетом возможности влияния на результаты исследования событий, произошедших в 2020 и 2022 годах, с целью исключения влияния на результаты объективно стрессогенных факторов. Исследование проводилось посредством Шкалы депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21), позволяющей проводить сравнение с другими странами. Совокупно с когортным исследованием было проведено лонгитюдное. **Результаты.** Наиболее ярко неблагоприятные эмоциональные состояния были выражены у студентов в 2018 году, т. е. в период, не отмеченный экстраординарными событиями, нарушающими привычный уклад общественного функционирования. Лонгитюдное исследование обнаружило, что в 2020 году, в период действия ограничительных мер в связи с профилактикой распространения коронавирусной инфекции, число студентов с клинически значимыми проявлениями депрессии и тревоги было ниже, чем в 2018 году. **Выводы.** В результате проведенного исследования первоначальные выводы о недостаточности эмпирического подтверждения резкого роста неблагоприятных эмоциональных состояний у студентов в период самоизоляции и при стремительном переходе к дистанционному обучению были верифицированы, непрерывного роста неблагоприятных эмоциональных состояний в связи с экстраординарными событиями 2020—2022 годов не обнаружено.

Ключевые слова: стресс, дистресс, тревога, депрессия, студенты, информационное воздействие

Для цитирования: Болдырева, Т.А., Щербинина, О.А. (2025). Верификация тезиса о нарастании депрессивных и тревожных тенденций в 2010—2020-х годах (на примере когортного и лонгитюдного исследования). *Экспериментальная психология*, *18*(1), 119—137. https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180108

© Болдырева, Т.А., Щербинина, О.А., 2025

CC BY-NC

Verification of the thesis on the increase in depressive and alarming trends in the 2010—2020s (using the example of a cohort and longitudinal study)

T.A. Boldyreva[1] ✉, O.A. Shcherbinina[1]
[1] Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation
✉ ttatianna@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. A comparative analysis of the severity of anxiety, distress and depression in four cohort groups of students in 2013, 2018, 2020 and 2022 is aimed at empirically verifying the thesis of a steady increase in these adverse conditions in the population. **Methods and materials.** The total sample size was 557 students of humanitarian and technical specialties. The sample was formed taking into account the possibility of influencing the results of events that occurred in 2020 and 2022 in order to exclude the influence of objectively stressogenic factors on the study results. The study was conducted using the DASS — 21 psychodiagnostic technique, which allows comparisons with other countries. **Results.** Together with the cohort study, a longitudinal study was conducted, as a result of which the initial conclusions were verified that there was insufficient empirical evidence of a sharp increase in unfavorable emotional states among students during the period of self-isolation and during the rapid transition to distance learning. The most clearly unfavorable emotional states were expressed in students in 2018, that is, in a period not marked by extraordinary events that violate the usual way of social functioning. A longitudinal study found that in 2020, during the period of restrictive measures in connection with the prevention of the spread of coronavirus infection, the number of students with clinically significant manifestations of depression and anxiety was lower than in 2018. **Conclusions.** As a result of the study, initial conclusions regarding the lack of empirical support for a significant increase in adverse emotional states among students during self-isolation and the rapid transition to distance learning have been confirmed. However, no continuous increase in adverse emotional states related to extraordinary events occurring in 2020—2022 has been identified.

Keywords: stress, distress, anxiety, depression, students, informational impact

For citation: Boldyreva, T.A., Shcherbinina, O.A. (2025). Verification of the thesis on the increase in depressive and alarming trends in the 2010-2020s (using the example of a cohort and longitudinal study). *Experimental Psychology (Russia), 18*(1), 119—137. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180108

Введение

Депрессия, тревога, стресс-ассоциированные состояния рассматриваются и как предмет психиатрии, и как коморбидный фактор общесоматических заболеваний, и, зачастую, как фактор, провоцирующий возникновение таковых. Как в медицинской, так и в психологической литературе актуальность исследования и поиска путей преодоления нарастания депрессивных проявлений у людей во всем мире представляется своеобразной аксиомой современной медицины и современной психологии (Мосолов, 2023; Холмогорова, Гаранян, Цацулин, 2019). Тем не менее данные на сайте Our World in Data, которыми оперирует ВОЗ, выдвигая тезис о лавинообразном нарастании тревоги и депрессии в мире, носят не столь однозначный характер (Dattani et al., 2023). С одной стороны, действительно, в период с 2013 по 2021 год (это наиболее свежие данные, которые представлены в указанном источнике) распространенность тревожных расстройств увеличилась на 88,2, а депрессивных на 111,6 случаев на 100 000 тысяч населения. С другой стороны, указанные данные по миру обладают очень широкой вариативностью по странам и

регионам. Кроме того, динамика прироста тревожных и депрессивных расстройств не отличается стабильностью. Так, в 2014 и 2018 годах отмечалось снижение распространенности тревожных расстройств, а в 2017 году — снижение распространенности депрессивных расстройств. В России изучение выраженности тревоги и депрессии у населения было проведено в рамках масштабного когортного исследования ЭССЕ-РФ, включающего обследование неорганизованных групп населения возрастного диапазона 35—75 лет. Согласно полученным в исследовании 2014—2022 годов данным, можно сделать вывод о плавном снижении выраженности тревоги и депрессии с сохранением относительно высоких показателей лишь у одной категории респондентов — женщин старшей возрастной группы 65 лет —74 года лет с образованием ниже среднего и низким доходом (Евстифеева и др., 2023). Третий этап исследования, обозначаемый как ЭССЕ-РФ-3 проводился в период ограничительных мер с пациентами различных медицинских учреждений. Согласно полученным данным, россияне (выборка состояла из 28716 респондентов) продемонстрировали существенно более низкие показатели выраженности тревоги и депрессии по сравнению с собранными в рамках Statista Global Consumer Survey (2021 г.) показателями по США, Испании, странам Западной и Центральной Европы, по ряду азиатских стран.

Стоит обратить внимание еще на один аспект — возрастной. Согласно агрегированным на Our World in Data данным, в 22,2% случаев тревога и депрессия впервые проявляются в возрасте 20—29 лет. В приведенном российском исследовании данных по означенной возрастной категории за период действия ограничительных мер не представлено (Евстифеева и др., 2023; Dattani et al., 2023).

Таким образом, обнаруживается некоторое противоречие— в публикуемых эмпирических данных о выраженности и динамике развития тревожных и депрессивных проявлений у населения и в теоретических исследованиях с констатацией факта проявления неблагоприятных эмоциональных состояний у большого числа людей в период пандемии новой коронавирусной инфекции и введения беспрецедентных ограничительных мер. Тезис о лавинообразном нарастании депрессии и тревоги выглядит закономерным теоретическим выводом, требующим, тем не менее, эмпирического подтверждения. Признанная завершившейся пандемия COVID-19 на момент своего протекания была не единственной, однако именно она получила массированное информационное подкрепление, обретя тем самым, помимо медицинской, еще и выраженную психологическую и непсихотическую психопатологическую составляющую (Климас и др., 2023; Суранова, 2015).

Полагаем, что получение эмпирического подтверждения сенсибилизирующего влияния COVID-19 для эпидемиологии неблагоприятных эмоциональных состояний возможно в лонгитюдных исследованиях, которые позволили бы с достаточной степенью определенности подтвердить, что наиболее ярко был выражен рост депрессий, тревоги и иных неблагоприятных стресс-ассоциированных состояний именно в период признанной ВОЗ завершившейся пандемии. Релевантным для достижения означенной задачи является сравнение показателей тревоги, депрессии, стресс-ассоциированных состояний в период жизни людей определенной категории, или, что представляется еще более надежным, одних и тех же людей в период до пандемии и во время ее протекания.

Цель нашего исследования, таким образом, состояла в выявлении наличия/отсутствия различий в выраженности стресса, тревоги и депрессии у студентов в разных условиях реализации образовательного процесса с учетом изменений информационного фона и общих факторов социально-психологического функционирования общества.

Организация исследования

Для реализации поставленной цели были сформированы эквивалентные группы респондентов, в качестве которых выступили студенты ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» 2010—2022 годов набора, пребывавшие на момент исследования в разных условиях жизнедеятельности, образующихся посредством совокупности факторов: ограничения привычных условий реализации учебной, трудовой, бытовой деятельности в связи с распространением новой на момент первых этапов исследования, коронавирусной инфекции; информационная нагрузка.

Помимо сравнения значения мер центральной тенденции по исследуемым параметрам, определялось наличие/отсутствие увеличения числа клинически значимых проявлений дистресса, тревоги и депрессии у студентов, пребывающих в период проведения исследования в разных по информационной напряженности объективно дезадаптирующих условиях (изменения социально-психологических условий функционирования общества в целом в совокупности со стремительным изменением формата обучения), и производилось сравнение полученных данных с другими исследованиями, проведенными в отношении выраженности стресса, тревоги и депрессии у студентов в рассматриваемый период времени (с 2013 по 2023 год).

Эмпирические группы могут быть описаны двояко: как когортные группы (выделенные по годам исследования) и как отдельные группы, сформированные по совокупности объективных параметров: год проведения исследования и курс обучения.

Общий объем генеральной выборки — 557 человек, средний возраст — 20,33 ± 1,72 года, минимальный возраст по выборке — 18 лет, максимальный — 25 лет. Медиана по возрасту составила 19 лет, мода — мультимодальная.

По году исследования были сформированы четыре когортные группы. Представим их подробную характеристику.

Когортная группа 2013 года составила 397 человек. В выборку были включены студенты 1990—1995 годов рождения разных специальностей и направлений подготовки, соответствующие основным критериям включения в выборку. Среднее по возрасту составило 19,5 ± 1,38, медиана по возрасту — 19 лет. Представлены следующие курсы обучения: 1-й курс — 35,52%, 2-й курс — 14,11%, 3-й курс — 25,69%, 4-й курс (выпускной) — 24,68%. Обучение в период исследования проходило очно, дистанционное обучение составляло не более 5—10% от общего учебного времени и, как правило, использовалось для организации самостоятельной работы студентов. Время проведения исследования — октябрь—ноябрь 2013 года.

Когортная группа 2018 года исследования составила 97 человек 1995—2000 годов рождения. В выборку были включены студенты гуманитарных и технических специальностей, соответствующие основным критериям включения в выборку. Среднее по возрасту составило 19 ± 0,5, медианный возраст — 19 лет. Представлены следующие курсы обучения: 1-й курс — 71,79%, 2-й курс — 23,08%. Обучение в период исследования проходило очно, дистанционное обучение применялось в объеме 15% от общего учебного времени и, как правило, использовалось для организации самостоятельной работы студентов. Время проведения исследования — октябрь—ноябрь 2018 года.

Когортная группа 2020 года исследования составила 61 человек 1997—2003 годов рождения. В выборку были включены студенты гуманитарных и технических специальностей, соответствующие основным и дополнительным для 2020 года критериям включения в выборку. Среднее по возрасту составило 20,44 ± 1,72, медианный возраст — 20 лет.

Представлены следующие курсы обучения: 2-й курс — 39,34%, 4-й курс — 39,34%, 5-й курс — 21,31%. Четвертый и пятый курсы в данной выборке — выпускные. Старшие курсы в период исследования находились на дистанционном обучении 100% учебного времени, часть (2-й курс) — на смешанном (очном и дистанционном), дистанционное обучение составляло около 40% учебного времени и включало как самостоятельную работу студентов, так и контактные учебные занятия. Время проведения исследования — октябрь—ноябрь 2020 года.

Когортная группа 2022 года исследования составила 62 человека 1997—2003 годов рождения. В выборку были включены студенты гуманитарных и технических специальностей, соответствующие основным и дополнительным для 2022 года критериям включения в выборку, Среднее по возрасту составило 20,57 ± 1,38, медианный возраст — 20 лет. Представлены следующие курсы обучения: 3-й курс — 20,96%, 4-й курс — 35,49%, 5-й курс — 43,55%. Пятый курс — выпускной. В период проведения исследования обучение проходило в смешанном формате: лекции и практические занятия проводились как в очном, так и в дистанционном формате; в целом, дистанционное обучение в период проведения исследования составляло до 60% учебного времени. Исследование проводилось в октябре—ноябре 2022 года.

В каждой когортной группе были выделены локальные эмпирические группы по курсу обучения. Это позволило произвести сравнение выраженности стресса, тревоги и депрессии у одних и тех же респондентов на разных курсах обучения и в разных условиях организации жизни общества и информационного фона. Таких групп удалось сформировать две. Для внятности изложения целесообразно обозначить эти группы по году поступления в университет: группа 2017 года набора и группа 2019 года набора.

Группа 2017 года набора при первом срезе в 2018 году состояла из 27 человек, при втором срезе в 2020 году по основным и дополнительным критериям в выборку могли быть включены лишь 24 человека.

Группа 2019 года набора при первом срезе в 2020 году состояла из 24 человек, при втором срезе в 2022 году только 22 человека из этой группы могли быть включены в выборку в соответствии с основными и дополнительными для 2022 года критериями.

Иные группы внутри когортных являются независимыми и принимали участие в исследовании единожды.

Основные критерии включения в выборку.

1. Актуальный статус — студент очного отделения конкретного учебного заведения высшего образования.

2. Статус по результатам предшествующей диспансеризации (психиатрическое и наркологическое обследование) — здоров.

Основные критерии исключения из выборки.

1. Наличие в течение года, предшествующего исследованию, переживания событий, обладающих высокой объективной стрессогенностью (смерть близких родственников, выявление у респондента или его близких родственников заболеваний со скорым ожидаемым летальным исходом и/или высокой вероятностью тяжелой инвалидизации, непосредственное пребывание в зоне бедствий природного или техногенного характера, непосредственное пребывание в зоне боестолкновений).

2. Наличие сведений об употреблении психоактивных веществ и онкологических заболеваний.

Дополнительными критериями исключения из выборки для когорты 2020 года исследования в связи с впервые возникшими в эти годы обстоятельствами выступило наличие текущего или перенесенного лабораторно подтвержденного COVID-19.

Для когортной группы 2022 года дополнительные критерии были сформированы релевантно объективным условиям социально-психологического функционирования общества в 2022 году. Для данной группы в качестве критериев исключения были определены.

1. Сообщение респондентом сведений о том, что у него отмечается постковидный синдром (вне зависимости от наличия лабораторно подтвержденного заболевания COVID-19 и верифицированного медицинским обследованием диагноза).

2. Сведения об участии близких родственников и критически значимых близких людей в специальной военной операции на Украине.

Исходя из описания критериев включения и исключения в выборку констатируем, что все респонденты являлись людьми здоровыми, ими было дано информированное согласие на проведение исследования; лица категории, определяемой Хельсинской декларацией как «уязвимые», в исследовании участия не принимали.

Методы и методики. Исследование было реализовано посредством сравнительного и экспериментального методов. В качестве методического инструментария выступила Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21)

Оценке психометрических свойств опросника посвящено большое число исследований по всему миру, в каждом исследовании отмечаются его хорошие психометрические свойства. Активно опросник использовался и в период пандемии COVID-19 для оценки эмоционального благополучия/неблагополучия самых разных групп населения (Mautong et al., 2021; Joo et al., 2021; Başağaoğlu Demirekin, Buyukcavus, 2022; Dal Santo et al., 2022; Dey et al., 2022; Gamage, Herath, 2021; Alzueta et al., 2020; Wang et al., 2011; Lovibond, Lovibond, 1995; Alamri et al., 2020; Mishra et al., 2022; Huang et al., 2021; Nisticò et al., 2021; Fatori et al., 2022). В настоящем исследовании был использован вариант опросника, состоящий из 21 утверждения. Утверждения содержат описание соматических ощущений и переживаний, мыслей, характерных для исследуемых состояний. Утверждения группируются в шкалы, каждое из состояний описывается посредством 7 утверждений. Предлагается оценивать степень соответствия утверждений состоянию респондента в течение недели, предшествующей обследованию по четырехбалльной шкале от 0 до 3, где «0» означает, что ощущения и переживания не имели место, не были характерны для респондента, а «3» означает частое проявление и/или постоянное переживание ощущений, мыслей, чувств, описанных в данном утверждении. Таким образом, максимальное значение по каждому состоянию: депрессии, тревоги, стресса (дистресса), — составляет 21 балл, минимальное — 0.

На русскоязычной популяционной выборке объемом 1153 человека с широким возрастным охватом, но без уточнения сроков проведения исследования, А.А Золотаревой проведена оценка валидности и надежности русскоязычной версии данного опросника. Согласно публикации 2021 года α Кронбаха составило 0,90 для шкалы депрессии, 0,85 для шкалы тревоги, 0,91 для шкалы стресса (Золотарева, 2021). Тем не менее в публикации 2020 года автор указывает, что есть некоторые ограничения в применении данной методики для клинических исследований, в частности, в отношении людей с онкологическими заболеваниями и с болезнью Паркинсона (Золотарева, 2020, с. 33). Кроме того, более позднее

исследование показало, что методика обладает хорошими психометрическими свойствами в отношении популяционных исследований, но опубликованных данных по клиническим русскоязычным выборкам нет (Золотарева, 2021, с. 84). Это ограничение было учтено нами в критериях исключения респондентов из выборки.

Статистическая обработка осуществлялась посредством оценки соответствия полученных данных нормальному распределению (критерий Колмогорова—Смирнова); оценки асимметрии, эксцесса, квартильного размаха, нормального размаха, выявления средних значений, стандартного отклонения для определения диапазона значений, свидетельствующих о симптомах тревожных и депрессивных состояний у респондентов; критерии Манна—Уитни и критерий Вилкоксона использовались для оценки достоверности различий по исследуемым признакам, критерий Спирмена — для выявления корреляционных связей между параметрами. Для реализации расчетов был использован программный пакет STATISTIKA 12.0.

Результаты

Представим основные дескриптивные статистики по когортным группам. Это позволит обнаружить некоторые ориентиры для последующих оценок выраженности состояний, измеряемых посредством Шкалы депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety and Stress Scale-21, DASS-21).

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики и анализ нормальности распределения данных по когортам
Descriptive statistics and analysis of the normality of data distribution by cohort

Статистический критерий	Когорта 2013 (n = 397)			Когорта 2018 (n = 97)			Когорта 2020 (n = 61)			Когорта 2022 (n = 62)		
	Стресс	Тревога	Депрессия	Стресс	Тревога	Депрессия	Стресс	Тревога	Депрессия	Стресс	Тревога	Депрессия
Среднее	6,09	3,30	3,81	8,54	5,16	5,98	5,57	2,80	3,96	5,74	3,52	3,89
Медиана	5	3	3	9	3	5	5	2	3	5	2	2
Минимум	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Максимум	18	18	18	18	20	20	14	14	19	16	15	19
Нижний квартиль	3	1	1	5	1	1	2	1	1	3	1	1
Верхний квартиль	9	5	6	12	9	10	9	4	5	8	5	5
Кварт. размах	6	4	5	7	8	9	7	3	4	5	4	4
Станд. отклонение	4,09	3,31	3,55	4,79	5,25	5,49	3,85	3,12	4,05	3,76	3,42	4,26
Асимметрия	0,645	1,560	1,233	–0,114	1,219	1,037	0,396	1,562	1,612	0,612	1,359	1,570
Станд. ошибка асимметрии	0,122	0,122	0,122	0,387	0,387	0,387	0,306	0,306	0,306	0,303	0,303	0,303
Эксцесс	0,041	3,094	1,385	–0,671	0,959	0,323	–0,755	2,284	2,949	–0,184	1,619	1,113
Станд. ошибка эксцесса	0,244	0,244	0,244	0,758	0,758	0,758	0,603	0,603	0,603	0,599	0,599	0,599
Колмогорова—Смирнова критерий	D = ,12486 P < ,01	D = ,15891 P < ,01	D = ,15342 P < ,01	D = ,07868 P > ,20	D = ,18800 P < ,15	D = ,16493 P > ,20	D = ,13409 P > ,20	D = ,21023 P < ,01	D = ,17842 P < ,05	D = ,12989 P > ,20	D = ,18736 P < ,05	D = ,27598 P < ,01

По косвенным методам распределения значений по шкалам стресса, тревоги и депрессии во всех когортах распределение данных отличается от нормального. При этом структура распределения данных по эксцессу и асимметрии позволяет говорить о том, что распределение их своеобразно в разных когортных группах. Иными словами, в каждой когортной группе мы наблюдаем распределение, не похожее на таковое в сравниваемых когортных группах.

Нормальное распределение по расчетному критерию Колмогорова—Смирнова отмечается по шкалам стресса в когортных группах 2018 и 2022 годов и по депрессии в когортной группе 2018 года.

Рассмотрим далее наличие/отсутствие достоверных различий по измеряемым параметрам между когортными группами.

Таблица 2 / Table 2

Оценка достоверности различий по U — критерию Манна-Уитни по шкалам стресса (дистресса), тревоги и депрессии когортных групп 2013, 218, 2020 и 2022 годов
Assessment of the significance of differences in stress scales (distress), anxiety, and depression between the 2013, 2018, and 2020 cohort groups using the Mann-Whitney U-test

Сравниваемые когортные группы	Стресс (дистресс)	Тревога	Депрессия
Когортные группы 2013—2018	**U = 5046,000 p = 0,002**	U = 6073,000 p = 0,082	**U = 5796,500 p = 0,034**
Когортные группы 2013—2020	U = 11310,000 p = 0,407	U = 10843,500 p = 0,189	U = 12076,000 p = 0,973
Когортные группы 2013—2022	U = 11773,000 p = 0,583	U = 11860,500 p = 0,646	U = 117863,500 p = 0,590
Когортные группы 2018—2020	**U = 718,000 p = 0,003**	**U = 834,000 p = 0,031**	U = 893,000 p = 0,085
Когортные группы 2018—2022	**U = 734,000 p = 0,003**	U = 985,000 p = 0,243	U = 877,000 p = 0,051
Когортные группы 2020—2022	U = 1855,000 p = 0,857	U = 1618,000 p = 0,168	U = 1829,500 p = 0,758

Представленные в таблице 2 данные дают основание констатировать, что когортная группа 2018 года отличается от других когортных групп по выраженности стресса. По выраженности тревоги когортная группа 2018 года обладает различиями, достигающими уровня достоверности, с когортной группой 2020 года. По выраженности депрессии когортная группа 2018 года достоверно отличается от когортной группы 2013 года. Между когортными группами 2013, 2020 и 2022 годов достоверных различий по выраженности стресса, тревоги и депрессии не обнаружено.

Для большей наглядности представим среднегрупповые значения по когортным группам в виде гистограммы (рис. 1).

В целом, по полученным данным когорта 2018 года выглядит наименее благополучной по своему эмоциональному состоянию.

В описании групп указано, что когорта 2018 отличается от когортных групп 2013, 2020 и 2022 годов по представленности студентов разных курсов обучения: в ней представлены студенты только 1-го и 2-го курсов.

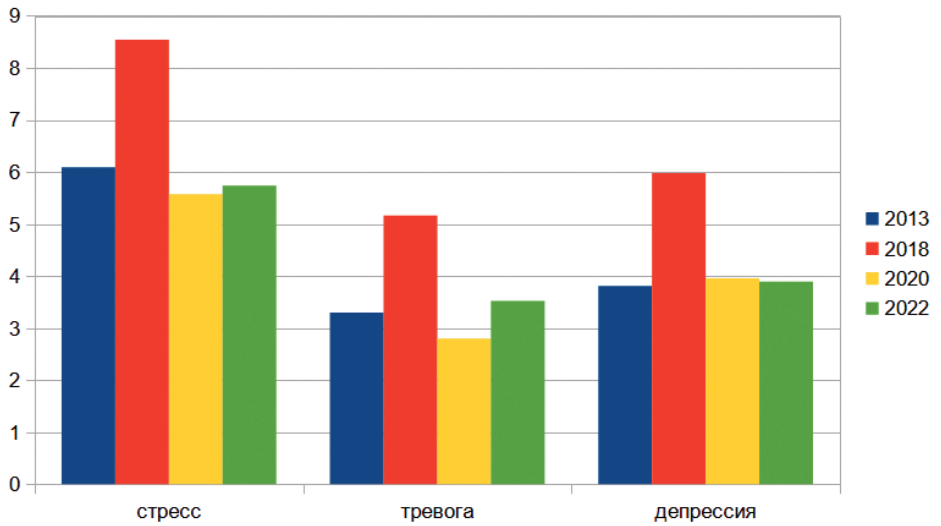

Рис. 1. Среднегрупповые значения по шкалам стресса, тревоги и депрессии по когортным группам
Fig. 1. Average group values for the stress, anxiety, and depression scales, by cohort group

В связи с этим мы предположили, что курс обучения мог выступить в качестве случайного фактора. То есть влияние на полученные результаты могли оказать: на студентов первого курса адаптация к новым для них условиям обучения в университете, а на студентов выпускных курсов — переживания, связанные с ожидаемыми выпускными квалификационными испытаниями, с предстоящим поиском работы.

Оценка достоверности различий по критерию Манна—Уитни показала, что достоверных различий по распределению значений по шкалам, как в рамках одной когорты по разным курсам обучения, так и при сравнении эквивалентных курсов обучения в разных когортах, нет. Корреляционный анализ (был использован критерий Спирмена) также показал, что между курсом обучения и выраженностью исследуемых параметров значимых корреляционных связей нет (результаты представлены в табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Эмпирические значения критерия корреляции Спирмена между курсом обучения и выраженностью стресса, тревоги и депрессии
Empirical values of Spearman's correlation criterion between the course of study and the severity of stress, anxiety, and depression

Шкала DASS-21	Курс обучения
Стресс	–0,025
Тревога	–0,044
Депрессия	–0,013

При более детальном рассмотрении полученных показателей эксцесса и асимметрии по когортным группам обращает на себя внимание тот факт, что показатели стресса в 2018 году не только более разнообразны по выборке, но и смещены в сторону низких значений. Значения мер центральной тенденции характеризуются более высокими показа-

телями по сравнению со всеми другими эмпирическими группами. В связи с этим целесообразно рассмотреть отдельно представленность в полученных данных клинически значимых проявлений стресса, тревоги и депрессии. При определении количественного значения клинически значимых проявлений мы ориентировались на диапазоны значений, указанные авторами оригинальной методики Lovibond S.H., Lovibond P.F. (Lovibond, Lovibond, 1995). Приведем в процентах долю респондентов, у которых значения по шкале стресса превышают 19 баллов, по шкале тревоги — 10 баллов, по шкале депрессии — 14 баллов.

Таблица 4 / Table 4

Доля респондентов в когортных группах с клинически значимыми проявлениями стресса, тревоги и депрессии
Percentage of respondents in cohort groups with clinically significant manifestations of stress, anxiety, and depression

Шкала	Когортная группа 2013	Когортная группа 2018	Когортная группа 2020	Когортная группа 2022
Стресс	0%	0%	0%	0%
Тревога	3,52%	10,31%	3,27%	6,45%
Депрессия	0,75%	9,27%	3,27%	3,23%

Расчет доли студентов, чьи значения по шкалам тревоги и депрессии входят, согласно указанным авторами оригинальной методики нормативам (Lovibond, Lovibond, 1995), в диапазон клинически значимых, позволяет констатировать, что наиболее высока эта доля в когортной группе 2018 года по тревоге и депрессии, также несколько завышена по сравнению с когортными группами 2013 и 2020 годов доля респондентов с клинически значимыми проявлениями тревоги в 2022 году, хотя она ниже, чем в когортной группе 2018 года.

Сопоставим данные по группам 2017 и 2019 годов набора. Рассмотрим наличие/отсутствие различий в выраженности измеряемых параметров между связными выборками. Это поможет определить, имело ли место усугубление проявлений стресса, тревоги и депрессии при резком изменении условий социально-психологического функционирования совокупно с массированным информационным воздействием, формирующим эретичные реакции населения.

Таблица 5 / Table 5

Эмпирические значения критерия Вилкоксона для связных выборок эмпирической группы по шкалам DASS — 21 для связных групп 2017 и 2019 годов набора
Empirical values of the Wilcoxon criterion for connected samples of the empirical group according to the DASS — 21 scales for connected groups in 2017 and 2019

Шкала	T	p-value
Группа 2017 года набора		
Стресс	55,000	**0,012**
Тревога	72,500	**0,046**
Депрессия	75,500	0,271
Группа 2019 года набора		
Стресс	92,000	0,904
Тревога	98,500	0,808
Депрессия	37,500	0,115

В табл. 5 представлены эмпирические значения критерия Вилкоксона для связных групп 2017 и 2019 годов набора (полужирным шрифтом выделены значения, свидетельствующие о достоверности различий). То есть представлены результаты статистической оценки достоверности различий по одним и тем же респондентам, согласно замерам в 2018 и в 2020 годах (группа 2017 года набора) и в 2020 и 2022 годах (группа 2019 года набора).

Как видно из табл. 5, сдвиг имеет место по отношению к группе 2017 года набора, для группы 2019 года набора достоверных различий при изменении организации учебного процесса совокупно с изменением информационного фона не отмечается.

Если группа 2017 года набора пережила резкий переход от очного к дистанционному обучению для предотвращения распространения COVID-19 совокупно с самоизоляцией в 2020 году и продемонстрировала изменение показателей по стрессу и тревоге, то переход от дистанционного к смешанному формату обучения в связи с соблюдением требований безопасности из-за сообщений о минировании учебных заведений совокупно с усилением негативного информационного воздействия посредством социальных сетей в связи с началом специальной военной операции значимых достоверных различий по измеряемым показателям у группы 2019 года не спровоцировал. Отдельно сделаем акцент на том, что исследование проводилось спустя 7 месяцев после начала событий, ставших основанием для произошедших изменений в условиях социально-психологического функционирования населения, т. е. следует учитывать, что респонденты ожидаемо адаптировались к сложившимся условиям и обстоятельствам, и, таким образом, в исследовании созданы условия для исключения острых реакций на стресс.

В табл. 6 и 7 представлены более полные дескриптивные статистики по связным группам 2017 и 2019 годов набора.

Таблица 6 / Table 6

Описательные статистики и анализ нормальности распределения данных по зависимым выборкам (два среза группы 2017 года набора)
Descriptive statistics and analysis of the normality of data distribution across dependent samples (two cross-sections of the 2017 group of the set)

Статистический показатель	Стресс		Тревога		Депрессия	
	2018	**2020**	**2018**	**2020**	**2018**	**2020**
Среднее	8,800	5,880	5,520	2,280	5,680	4,640
Медиана	9	3	3	1	5	3
Мода	9	Multiple	Multiple	1	1	1
Асимметрия	–0,069	0,293	1,199	2,487	1,054	1,477
Станд. ошибка асимметрии	0,463	0,463	0,463	0,463	0,463	0,463
Эксцесс	–0,629	–1,121	0,577	7,371	0,372	1,905
Станд. ошибка эксцесса	0,901	0,902	0,901	0,902	0,901	0,902
Шапиро-Уилка критерий	W = ,97176 P = 0,690	W = ,92157 P = 0,056	W = ,84645 P = 0,002	W = ,709546 P = 0,000	W = ,87517 P = 0,006	W = ,83133 P = 0,001

Таблица 7 / Table 7

Описательные статистики и анализ нормальности распределения данных по зависимым выборкам (два среза группы 2019 года набора)
Descriptive statistics and analysis of the normality of data distribution across dependent samples (two cross-sections of the 2019 group of the set)

Статистический показатель	Стресс		Тревога		Депрессия	
	2020	2022	2020	2022	2020	2022
Среднее	5,583	5,773	3,667	4,045	3,458	3,000
Медиана	5,5	6	2,5	4	2	2
Мода	6	6	0	4	1	Multiple
Асимметрия	0,332	0,257	1,005	0,626	1,258	1,929
Станд. ошибка асимметрии	0,472	0,490	0,472	0,490	0,472	0,490
Эксцесс	–0,662	–0,037	0,475	–0,316	1,223	2,760
Станд. ошибка эксцесса	0,197	0,952	0,197	0,952	0,197	0,952
Шапиро-Уилка критерий	W = ,94950 P = ,26433	W = ,97598 P = ,84306	W = ,86955 P = ,00516	W = ,83493 P = ,15541	W = ,85568 P = ,00279	W = ,69279 P = ,00002

Как видно из таблиц 6 и 7, структура полученных данных по связным группам различна. Значения мер центральной тенденции не дают оснований для формирования однозначного вывода о том, могут ли такие события, как самоизоляция, переход на тотальное дистанционное обучение и довольно неопределенная угроза заражения или же массированное информационное воздействие, нацеленное на формирование реакций эретизма в совокупности со смешанным форматом обучения, действительно приводить к эпидемическим реакциям тревоги и депрессии.

Рассмотрим в сравнительном аспекте долю клинически значимых показателей стресса, тревоги и депрессии в связных группах.

Таблица 8 / Table 8

Доля респондентов в связных группах с клинически значимыми проявлениями стресса, тревоги и депрессии (группы 2017 и 2019 годов набора)
Percentage of respondents in connected groups with clinically significant manifestations of stress, anxiety, and depression (groups of 2017 and 2019 recruitment)

Шкала	Группа 2017 года набора / 2018 год исследования	Группа 2017 года набора / 2020 год исследования	Группа 2019 года набора / 2020 год исследования	Группа 2017 года набора / 2022 год исследования
Стресс	0	12,5%	0%	0%
Тревога	25%	4,2%	4,5%	4,5%
Депрессия	16,7%	8,3%	0%	0%

Представленные в табл. 8 данные позволяют констатировать, что значительные изменения в условиях социально-психологического функционирования населения в связи с экстра-

ординарными и кризисными событиями, которые происходили с 2020 по 2022 годы в мире и в Российской Федерации, не спровоцировали роста клинически значимых проявлений тревоги и депрессии у респондентов групп 2017 и 2019 годов набора. Имеет место появление в 2020 году (в период продолжающихся ограничительных мер для предотвращения распространения новой для того периода коронавирусной инфекции) респондентов с очень высоким уровнем показателя дистресса по сравнению с исследованием, проведенным в 2018 году.

Обсуждение

Значения мер центральной тенденции позволяют констатировать, что показатели стресса и тревоги в целом сопоставимы с опубликованными результатами зарубежных исследований в выборках, соответствующих по возрастному критерию, а показатели депрессии в нашей генеральной выборке в целом ниже.

C. Pezirkianidis с соавторами по результатам исследования 2017—2018 годов для возрастной группы 18 лет — 24 года приводят показатели средних значений: по стрессу — 8,16 ± 4,36, по тревоге — 4,32 ± 4,02 и по депрессии — 5,25 ± 4,29 (Pezirkianidis et al., 2018).

Приведенные А.А. Золотаревой в качестве неких ориентиров результаты популяционных исследований также показывают, что в среднем для респондентов, сопоставимых с нашей выборкой по возрасту и социальному статусу, показатели стресса располагаются в диапазоне от 3,2 до 5,2, тревоги — от 3,2 до 4,7 и депрессии — от 4,3 до 4,8 (Золотарева, 2020). Эти показатели получены в период с 1998 по 2018 год, т. е. в них не учтены колебания измеряемых нами параметров в связи с экстраординарными событиями периода пандемии COVID-19. В более поздней публикации тот же автор приводит несколько иные показатели для российской выборки с более широким диапазоном нормативных значений, а именно: по шкале стресса — от 1,08 до 9,34, тревоги — от 0 до 6,72, депрессии — от 0 до 6,09 (Золотарева, 2021).

G.P. Gamage, H.M.C.J. Herath представляют результаты исследования на выборке из 741 человек в Шри-Ланка для возрастной группы 19—30 лет, согласно которым среднее значение составляет: по стрессу — 6,72 ± 3,96, по тревоге — 5,42±3,84 и по депрессии — 5,69±4,05 (это данные 2021 года исследования, т. е. непосредственно в период действия ограничительных мер) (Wang et al., 2011). При этом показатели выраженности тревоги и стресса в данной, наиболее молодой группе, обнаруживают более высокие значения, чем в возрастных группах 25—34 и 45—54 лет. Такая тенденция прослеживается и по другим исследованиям (Mautong et al., 2021; Joo et al., 2021; Başağaoğlu Demirekin, Buyukcavus, 2022; Dal Santo et al., 2022; Dey et al., 2022; Gamage, Herath, 2021; Alzueta et al., 2020; Galanza et al., 2021; Kabasakal et al., 2021; Alamri et al., 2020; Mishra et al., 2022; Huang et al., 2021; Nisticò et al., 2021; Fatori et al., 2022).

Представленные результаты исследования позволяют констатировать, что наименее благополучным с точки зрения выраженности депрессии и тревоги выглядит когортная группа 2018 года исследования. При этом полученные в 2018 году результаты по всей когортной группе вполне сопоставимы с теми показателями, которые опубликовал C. Pezirkianidis с соавторами (Pezirkianidis et al., 2018).

Примечательно, что, согласно исследованиям А.Б. Холмогоровой, Н.Г. Гаранян и Т.О. Цацулиной, выраженность депрессии в 2018 году у студентов также более высока, нежели в исследованиях десятилетней давности (Холмогорова, Гаранян, Цацулин, 2019).

В нашем исследовании явно прослеживается тенденция возрастания уровня стресса и тревоги к 2018 году и снижения к 2020 году: сопоставление выраженности тревоги и депрессии в группе 2017 года набора в 2018 году и в 2020 году показывает, что, во-первых, сдвиг в 2020 году по сравнению с 2018 достигает уровня достоверности по стрессу и тревоге, выраженность депрессии не показывает значимых изменений. Во-вторых, в период ограничительных мер данная группа продемонстрировала более низкие показатели стресса и тревоги. Иными словами, относительное неблагополучие по измеряемым показателям в данной группе не усугубляется, а, наоборот, несколько смягчается по мере взросления респондентов данной группы и оснований для заключения об усугубляющем влиянии ограничительных мер нет.

Вероятно, имеющиеся сведения о крайне высокой выраженности депрессии и тревоги в период ограничительных мер могли быть связаны с тем, что данные исследования проводились в первые недели вступления в действие ограничений привычной социальной активности населения в совокупности с массированным информационным воздействием. В частности, в рамках нашего локального исследования ежедневной динамики стресса, тревоги и депрессии у студентов в марте—апреле 2020 года (т. е. в первые недели строгой самоизоляции и стремительного перехода к дистанционной форме обучения) было зафиксировано постепенное снижение выраженности неблагоприятных состояний по мере освоения студентами дистанционного формата обучения и ограничения привычной социальной активности. Вероятно, в исследованиях 2020 года были зафиксированы закономерные для общего адаптационного синдрома явления на начальных этапах приспособления к возникшим изменениям социального функционирования.

Тем не менее, при сопоставлении результатов исследования тревоги и депрессии у больших групп населения в 2017—2018 годах обращают на себя внимание относительно высокие их показатели по сравнению с предыдущими и последующими годами исследований (Золотарева, 2020, с. 31; Wang et al., 2011).

Проведенный ретроспективный анализ новостных лент и основных событий 2018 года не позволил выявить экстраординарных явлений, которые могли быть сопоставимы по масштабу своего влияния на население планеты с ограничительными мерами, введенными с целью предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции. Существенные изменения информационного фона отмечались в 2020 и 2022 годах. В 2020 году, помимо напряженного информационного фона, имело место и критическое изменение привычных условий жизнедеятельности каждого из принявших участие в исследовании, однако и в этом случае не отмечено превышения условно-нормативных показателей тревоги и депрессии.

Согласно результатам нашего исследования, существенных, достоверно значимых колебаний показателей стресса, тревоги и депрессии у студентов разных курсов обучения выявлено не было. Эти результаты в полной мере согласуются с представленными А.Б. Холмогоровой с соавторами данными (Холмогорова, Гаранян, Цацулин, 2019, с. 45). Вероятно, это связано с тем, что в каждый период обучения в университете имеют место стандартные стресс-провоцирующие факторы, возникающие как эффект интенсивного формирования новообразований в данный возрастной период.

Имевшее место существенное изменение условий жизнедеятельности в связи с пандемией, повышенная информационная нагрузка, которая, вероятно, стала норма-

тивными условиями жизни спустя полгода, также не оказала существенного влияния на повышение тревоги и депрессии. Несмотря на то, что доля студентов с выраженной депрессией была несколько выше в 2020 году по сравнению с 2013 годом, отмечались существенно более низкие показатели чем в 2018 году; доля же студентов с выраженной тревогой аналогична таковой в 2013 году и существенно ниже по сравнению с 2018 годом. Вероятно, длительное пребывание в ситуации ограничительных мер, введенных для предупреждения распространения коронавирусной инфекции на фоне ставшей привычной информационной нагрузки об угрожающей эпидемиологической обстановке, оказывает неярко выраженное влияние. Эти данные согласуются с результатами двухэтапного исследования студентов в период введения ограничительных мер, опубликованное Н.Н. Климас с соавторами: если в марте 2020 года, в первую неделю самоизоляции, среднегрупповые значения стресса, тревоги и депрессии были выше тех, что представлены в нашем исследовании, то в июле 2020 года эти показатели оказались в тех же пределах, что и в когортных группах 2013 и 2020 годов (Климас и др., 2023). Одновременно с этим обращает на себя внимание некоторое увеличение доли клинически значимых проявлений тревоги у респондентов когортной группы 2022, которые принимали участие в исследовании в период, когда несколько стабилизировалась информационная напряженность в связи с началом специальной военной операции, но с целью соблюдения требования безопасности вводились краткие периоды дистанционного обучения.

Выводы

1. Прогредиентное нарастание тревожных и депрессивных тенденций в эмоциональном состоянии людей в двадцатых годах XXI века не получает своего подтверждения. Скорее речь может идти о вариативности в проявлении тревоги, депрессии и дистресса у разных категорий населения в ответ на объективные изменения условий жизнедеятельности и/или информационное сопровождение текущих событий.

2. Экстраординарные события, связанные как с ограничением привычных условий социально-психологического функционирования, так и с информационным сопровождением событий, по прошествии некоторого периода времени не оставляют эффекта депрессивного или тревожного следа в субъективно фиксируемом состоянии студентов, если не отмечается преморбида психических расстройств. Полагаем, что временное завышение в период развертывания событий, потенциально способных повлиять на привычный уклад жизни в сочетании с агрессивным информационным сопровождением, является нормативным эффектом, свидетельствующим об активно протекающих явлениях психической адаптации.

3. Сопоставление полученных нами данных с исследованиями других авторов позволяет выдвинуть предположение о том, что фиксируемые в различных исследованиях повышения количества проявлений непсихотических психопатологических состояний у людей могут быть эффектом эретации на агрессивное массированное информационное сопровождение каких-либо событий. Полагаем, что проведение данного исследования будет возможным при разработке методологических подходов к оцениванию салютогенного потенциала информационной составляющей в жизни человека в определенные временные промежутки.

Список источников / References

1. Евстифеева, С.Е., Шальнова, С.А., Куценко, В.А., и др. (2023). Тревога и депрессия: Десятилетняя динамика распространенности и ее ассоциации с демографическими и социально-экономическими показателями по данным исследования ЭССЕ-РФ. *Кардиоваскулярная терапия и профилактика, 22*(S8), 68—79. https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3796
   Evstifeeva, S.E., Shalnova, S.A., Kutsenko, V.A., et al. (2023). Anxiety and depression: Ten-year dynamics of prevalence and its associations with demographic and socioeconomic indicators according to the ESSE-RF study. *Cardiovascular Therapy and Prevention, 22*(S8), 68—79. (In Russ.). https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3796
2. Золотарева, А.А. (2020). Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева, 2*, 26—37.
   Zolotareva A.A. (2020). A systematic review of the psychometric properties of the Depression, Anxiety, and Stress Scale (DASS-21). *Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology, 2*, 26—37. (In Russ.).
3. Золотарева, А.А. (2021). Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Психологический журнал, 42*(5), 80—88. https://doi.org/10.31857/S020595920017077-0
   Zolotareva, A.A. (2021). Psychometric evaluation of the Russian version of the Depression, Anxiety, and Stress Scale (DASS-21). *Psychological Journal, 42*(5), 80—88. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S020595920017077-0
4. Климас, Н.Н., Качаева, Ю.В., Матонина, О.Г., Гольм Л.А., Осипов А.Ю. (2023). Влияние ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19, на физическую активность и психическое здоровье студентов вузов. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, 2*(216), 209—213. https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p209-214
   Klimas, N.N., Kachaeva, Yu.V., Matonina, O.P., Golm L.A., Osipov A.Yu. (2023). The impact of restrictive measures associated with the COVID-19 pandemic on physical activity and mental health of university students. *Scientific notes of the P.F. Lesgaft University, 2*(216), 209—213. (In Russ.). https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p209-214
5. Корнилов, С.А. (2011). Лонгитюдные исследования: теория и методы. *Экспериментальная психология, 4*(4), 101—116.
   Kornilov, S.A. (2011). Longitudinal studies: theory and methods. *Experimental Psychology (Russia), 4*(4), 101—116. (In Russ.).
6. Мосолов, С.Н., Парфенов, В.А., Амелин, А.В., Golm L.A., Osipov A.Yu. (2023). Депрессивные расстройства и их фармакотерапия в рутинной клинической практике. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика, 15*(5), 54—64. (In Russ.). https://doi.org/10.14412/2074-2711-2023-5-54-64
   Mosolov, S.N., Parfenov, V.A., Amelin, A.V., et al. (2023). Depressive disorders and their pharmacotherapy in routine clinical practice. *Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics, 15*(5), 54—64. https://doi.org/10.14412/2074-2711-2023-5-54-64
7. Плотников, С.С., Ахмадиева С.В., Розанов В.А. (2021). Оценка психологического статуса (стресс, тревога, депрессия) у работников IT-компании в период самоизоляции в связи с пандемией SARS COVID-19. *Медицинская психология в России, 13*(2), 1. https://doi.org/10.24412/2219-8245-2021-2-1
   Plotnikov, S.S., Akhmadieva S.V., Rozanov V.A. (2021). Assessment of psychological status (stress, anxiety, depression) in IT company employees during self-isolation due to the SARS COVID-19 pandemic. *Medical psychology in Russia, 13*(2), 1. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2219-8245-2021-2-1
8. Руженкова, В.В., Руженков, В.А., Хамская, И.С. (2019). Русскоязычная адаптация теста DASS-21 для скрининг-диагностики депрессии, тревоги и стресса. *Вестник психиатрии, неврологии и нейрохирургии, 10*.
   Ruzhenkova, V.V., Ruzhenkov, V.A., Khamskaya, I.S. (2019). Russian-language adaptation of the DASS-21 test for screening diagnostics of depression, anxiety and stress. *Bulletin of Psychiatry, Neurology and Neurosurgery, 10*. (In Russ.).

9. Скрипкина, Т.П., Макаренков А.А. (2022). Анализ деструктивного информационно-психологического воздействия посредством телекоммуникационных технологий на российских пользователей. *Вестник Московского государственного областного университета, 4*. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1160
Skripkina, T.P., Makarenkov A.A. (2022). Analysis of destructive information and psychological impact through telecommunication technologies on Russian users. *Bulletin of Moscow State Regional University,* 4. (In Russ.). https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1160
10. Суранова, Т.Г. (2015). Противодействие распространению Ближневосточного респираторного синдрома в Российской Федерации. *Медицина катастроф, 3*(91), 45—46.
Suranova, T.G. Countering the spread of Middle East respiratory syndrome in the Russian Federation. *Disaster Medicine, 3*(91), 45—46. (In Russ.).
11. Холмогорова, А.Б., Гаранян Н.Г., Цацулин, Т.О. (2019). Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование. *Культурно-историческая психология, 14*(3), 41—50. https://doi.org/10.17759/chp.2019150305
Kholmogorova, A.B., Garanyan N.G., Tsatsulin T.O. (2019). Dynamics of perfectionism indicators and symptoms of emotional distress in the Russian student population over the past ten years: a cohort study. *Cultural and Historical Psychology, 14*(3), 41—50. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/chp.2019150305
12. Alamri, H.S., Algarni, A., Shehata, S.F., Al Bshabshe, A., Alshehri, N.N., ALAsiri, A.M., Hussain, A.H., Alalmay, A.Y., Alshehri, E.A., Alqarni, Y., Saleh, N.F. (2020). Prevalence of depression, anxiety, and stress among the general population in saudi arabia during covid-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 17*(24), 1—11. https://doi.org/10.3390/ijerph17249183
13. Alzueta, E., Perrin, P., Baker, F.C., Caffarra, S., Ramos-Usuga, D., Yuksel, D., Arango-Lasprilla, J.C. (2020). How the COVID-19 pandemic has changed our lives: A study of psychological correlates across 59 countries. *Journal of Clinical Psychology, 77*(3), 556—570. https://doi.org/10.1002/jclp.23082
14. Başağaoğlu Demirekin, Z., Buyukcavus, M.H. (2022). Effect of distance learning on the quality of life, anxiety and stress levels of dental students during the COVID-19 pandemic. *BMC Medical Education, 22*(1). https://doi.org/10.1186/s12909-022-03382-y
15. Dal Santo, F., González-Blanco, L., Rodríguez-Revuelta, J., Marina González, P.A., Paniagua, G., García-Álvarez, L., de la Fuente-Tomás, L., Sáiz, P.A., García-Portilla, M.P., Bobes, J. (2022). Early Impact of the COVID-19 Outbreak on Sleep in a Large Spanish Sample. *Behavioral Sleep Medicine, 20*(3), 100—115. https://doi.org/10.1080/15402002.2021.1890597
16. Dattani, S., Rodés-Guirao, L., Ritchie, H., Roser, M. (2023). Mental Health. Published online at OurWorldInData.org. URL: https://ourworldindata.org/mental-health
17. Dey, R.K., Hilmy, A.I., Rahman, S.A., Moosa, Sh., Rahman, Sh.A., Latheef, R., Rasheed, N., Hassan, F.G., Zaadhee, A., Ibrahim, A., Usman, S.K. (2022). Emotional distress in COVID-19 patients in Maldives. *BMC Psychiatry, 22*, 184. https://doi.org/10.1186/s12888-022-03826-1
18. Fatori D., Suen P., Bacchi P., Afonso L., Klein I., Cavendish B.A., Lee Y.H., Liu Z., Bauermeister J., Moreno M.L., Viana M.C., Goulart A.C., Santos I.S., Bauermeister S., Smoller J., Lotufo P., Benseñor I.M., Brunoni A.R. (2022). Trajectories of common mental disorders symptoms before and during the COVID-19 pandemic: findings from the ELSA-Brasil COVID-19 Mental Health Cohort. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 57*(12), 2445—2455. https://doi.org/10.1007/s00127-022-02365-0
19. Galanza, M.A.M.C., Aruta, J.J.B.R., Mateo, N.J., Resurreccion, R.R., Bernardo, A.B.I. (2021). Mental health of Filipino university students during the COVID-19 pandemic: the distinct associations of fear of COVID-19 and financial difficulties. *The Educational and Developmental Psychologist, 40*(1), 125—130. https://doi.org/10.1080/20590776.2021.1999168
20. Gamage, G.P., Herath, H.M.C.J. (2021). Mental health of undergraduate distance learners: a cross-sectional study. *Asian Association of Open Universities Journal, 16*(3), 271—286. https://doi.org/10.1108/AAOUJ-08-2021-0097

21. Huang, Y., Su, X., Si, M., Xiao, W., Wang, H., Wang, W., Gu, X., Ma, L., Li, J., Zhang, S., Ren, Z., Qiao, Y. (2021). The impacts of coping style and perceived social support on the mental health of undergraduate students during the early phases of the COVID-19 pandemic in China: a multicenter survey. *BMC Psychiatry, 21*(1), 1—12. https://doi.org/10.1186/s12888-021-03546-y
22. Joo, G.S., Devan, D.M.O., Qi, C.S., Patil, S.S. (2021). Association between depression, anxiety, stress and perceived quality of life in a Malaysian B40 urban community during the COVID-19 lockdown: A cross-sectional study [version 1; peer review: awaiting peer review]. *F1000Research, 10*, 1—11. https://doi.org/10.12688/f1000research.51924.1
23. Kabasakal, E., Özpulat, F., Akca, A., Özcebe L.H. (2021). Mental health status of health sector and community services employees during the COVID-19 pandemic. *International Archives of Occupational and Environmental Health, 94*(6), 1249—1262. https://doi.org/10.1007/s00420-021-01678-y
24. Khademian, F., Delavari, S., Koohjani, Z., Khademian Z. (2021). An investigation of depression, anxiety, and stress and its relating factors during COVID-19 pandemic in Iran. *BMC Public Health, 21*, 275. https://doi.org/10.1186/s12889-021-10329-3
25. Lovibond, S.H., Lovibond, P.F. (1995). *Manual for the Depression Anxiety and Stress Scales*. (2nd Ed.). Sydney: Psychology Foundation.
26. Mautong, H., Gallardo-Rumbea, J.A., Alvarado-Villa, G.E., Fernández-Cadena J.C., Andrade-Molina D., Orellana-Román C.E., Cherrez-Ojeda I. (2021). Assessment of depression, anxiety and stress levels in the Ecuadorian general population during social isolation due to the COVID-19 outbreak: a cross-sectional study. *BMC Psychiatry, 21*, 212. https://doi.org/10.1186/s12888-021-03214-1
27. Mishra, J., Panigrahi, A., Samanta, P., Dash, K., Mahapatra, P., Behera, M.R. (2022). Sleep quality and associated factors among undergraduate medical students during Covid-19 confinement. *Clinical Epidemiology and Global Health, 15*, 101004. https://doi.org/10.1016/j.cegh.2022.101004
28. Nistic , V., Bertelli, S., Tedesco, R., Anselmetti, S., Priori, A., Gambini, O., Demartini, B. (2021). The psychological impact of COVID-19-related lockdown measures among a sample of Italian patients with eating disorders: a preliminary longitudinal study. *Eating and Weight Disorders, 26*(8), 2771—2777. https://doi.org/10.1007/s40519-021-01137-0
29. Pezirkianidis, C., Karakasidou, E., Lakioti, A., Stalikas, A., Galanakis, M. (2018). Psychometric Properties of the Depression, Anxiety, Stress Scales-21 (DASS-21) in a Greek Sample. *Psychology, 9*(15), 2933—2950. https://doi.org/10.4236/psych.2018.915170
30. Wang Y., Xu B., Zhao G., Cao R., He X., Fu S. (2011). Is quarantine related to immediate negative psychological consequences during the 2009 H1N1 epidemic? *General Hospital Psychiatry, 33*(1), 75—77.

Информация об авторах

Татьяна Александровна Болдырева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности, Оренбургский государственный университет (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»), Оренбург, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7589-0579, e-mail: ttatianna@yandex.ru

Ольга Александровна Щербинина, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и психологии личности, Оренбургский государственный университет (ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»), Оренбург, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4604-8689, e-mail: oly_25@mail.ru

Information about the authors

Tatyana A. Boldyreva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of General and Personality Psychology, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/000-0001-7589-0579, e-mail: ttatianna@yandex.ru

Olga A. Shcherbinina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of General and Personality Psychology of Orenburg State University, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4604-8689, e-mail: oly_25@mail.ru

Вклад авторов

Болдырева Т.А. — идея исследования, сбор и анализ данных, проведение эксперимента, визуализация результатов, аннотирование, оформление рукописи.

Щербинина О.А. — проведение эксперимента, сбор и первичная обработка результатов исследования, анализ и систематизация публикаций с аналогичными исследованиями.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the Authors

Tatyana A. Boldyreva — the idea of research, data collection and analysis, conducting an experiment, visualization of results, annotation, and design of a manuscript.

Olga A. Shcherbinina — conducting an experiment, collecting and primary processing of research results, analyzing and systematizing publications with similar studies.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 18.01.2024 — Received 2024.18.01.
Поступила после рецензирования 05.09.2024 — Revised 2024.05.09.
Принята к публикации 12.09.2024 — Accepted 2024.12.09.
Опубликована 01.03.2025 — Published 2025.01.03.